

**Х**раните читанные письма —  
в них весть о нас, в них мнится нить,  
все то, что ныне, все, что присно,  
могущая соединить.

Как хочется в соединенье  
грядущих их и суищих нас  
узреть живую поколений  
непотухающую связь.

И разглядеть сквозь грани призмы  
за нами следующих дней  
и наше слово в катаклизмах,  
нам и не снившимся во сне;  
и наше дело, нет — деянье,  
пускай на воробьиный шаг,

но подтолкнувшее мечтанье  
на исторический большак.  
Не для того же родились мы,  
чтоб как пустой растаять звук,  
пускай прочтет хотя бы письма  
не говоривший с нами внук.  
Пусть трепет нашего сомненья,  
застывший в письмах этих лет,  
не светом, пусть хотя бы тенью  
напомнит им, кого уж нет.

**Александр Степанович  
Свистунов, харбинец  
1930-х годов**

## **ТАНЯ ТЕРЕШЕНКОВА: СОПЕРНИКИ**

*Из дневника студентки Хабаровского медицинского института*

**7 января 1950 года**

До Нового года произошел ряд событий. Во-первых, помирилась с Сашей, он сам позвонил и пригласил меня на день рождения Милы Балашовой, которое праздновали у него дома. Увидела его мамашу. Она все время ревниво косилась на меня, чувствуя, видимо, что ее Саша много терпит от самоуправной девчонки.

У меня осталось хорошее впечатление от этого вечера. Было много смеха, шуток, самого непринужденного веселья. Саша был, как всегда, внимателен, нежен, смотрел только на меня и ухаживал только за мной. Он молодец парень, он умел жить настоящим, не всякий это сумеет. Как он любил меня!

Я говорю: любил, — потому что сейчас у нас с ним все кончено.

Двадцать восьмого декабря я получила от Виктора Алтайского два письма. Одно из Владивостока, полное жизни и надежды, ласковое и тоскующее. Меня поразило то, что он в первый раз назвал меня своей невестой. Это прозвучало властно и нежно.

Второе же письмо — из Совгавани в ответ на мое давнишнее, злое и несправедливое письмо. Если бы у нас с ним так далеко все не зашло, я бы поверила, что этим письмом он стимулирует наш конец. Он написал мне массу советов «для моих будущих знакомств», обвинил меня в любви к морской романтике, но отнюдь не к прозе, написал, что он уже несколько раз болел воспалением легких, лечился на ходу и снова шел на работу. Что нечаянно отморозил себе руку и нос, так что «к сведению любителя романтики стал не совсем симпатичным».

Написал, что своей матери он не пишет уже три месяца, что это его страшно мучает, но что у него абсолютно нет времени. В общем, это письмо — письмо ничем не прикрашенной действительности, суровой, полной всяких передрыг и неприятностей. Но после этого письма он стал мне еще дороже, ближе и понятней.

Я ждала Нового года: если не будет телеграммы от него, значит, кончено. Телеграмма пришла! Как мне ни тяжело, как ни трудно было, но я решила закончить с Сашей. Целый ряд причин: волей или неволью я его обманываю, я люблю другого, и если узнает о Саше Виктор, он, даже не стараясь все понять, немедленно порвет со мной. Он человек прямой души и решительного характера. А разрыв с Виктором для меня немислим.

Новый год я решила встречать не с Сашей. Меня пригласил Леша к Юрке Соколову. Я, кажется, очень нехорошо сумела отказать Саше, очень неловко и обидно. Эх, да что говорить! Факт тот, что Аркадий, который до этого благожел передо мной, чуть не ударил меня (и правильно бы сделал). Он пришел к Юрке Соколову в два часа ночи от Саши, подошел прямо ко мне и, сжав кулаки, сказал: «Татьяна, что ты делаешь? Зачем ты поступаешь так бессмысленно и жестоко? Ты знаешь, что я сейчас ушел, а Сашка... Сашка...». У него задергались губы, он повернулся и вышел.

*Татьяна — это моя мама.*

*Сашка — мой отец.*

*Мне пятнадцать лет, я сижу на полу возле раскрытого шкафа, где откопал мамин студенческий дневник, и давясь слезами от обиды за отца. И от злости к самоуправной девчонке, заставившей его так невыносимо страдать.*

*Отец умер год назад. Пошел утром умываться в ванную и упал. Когда я с разбегу выбил плечом дверь, то увидел его лежащим на полу, с полотенцем в руке, закинутой на лицо. А самоуправная девчонка, ставшая за год без него сухонькой мумией, тонко кричит сейчас от боли в соседней комнате; девчонку разрывают метастазы...*

*Через сорок лет я вернусь в эту комнату, и сестра поставит передо мной чемодан с письмами мамы. Она писала их своим родителям во Владивосток почти двадцать лет. Первое — второе ноября 1952 года, через четыре месяца после свадьбы с отцом. Последнее — двадцать первого мая 1971 года, за восемь дней до его смерти.*

*Дальше маме было не до новых писем. А бабушка с дедом сберегли старые. И вместе с ними — теплое дыхание дочери. Зятя. Времени. Видно, они очень хотели, чтобы сквозь века (уже века!) мы почувствовали его. А иначе зачем бы судьба подбросила мне чемодан, наполненный маленькими семейными тайнами?*

*И одной большой. Тайной Сашкиной и Таниной любви.*

## 1952 год

**Отец** — заместитель начальника депо Хабаровск-II.

**Мама** — врач железнодорожной больницы. Ему двадцать пять, ей двадцать три, летом они сыграли свадьбу.

Пятого ноября (дата первого письма) мама уже беременна Наташей, а меня еще нет даже в далеких проектах.

**Хабаровск II** (II Хабаровск, Хабаровск-2, Второй Хабаровск) — ближний (10 км) пригород Хабаровска, главный железнодорожный узел Дальневосточной железной дороги.

**Ефим Яковлевич Терешенков** (деда Сима) — мамин отец, народный учитель СССР, писатель, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени.

**Шалаева Варвара Павловна** (баба Варя) — его жена, врач, главный педиатр Приморского края.

**Григорий Семенович Постол** (Г. С.) — отчим отца, врач-педиатр, начальник врачебно-санитарной службы Дальневосточной железной дороги, впоследствии завкафедрами Хабаровского мединститута, профессор.

**Сара Абрамовна Коц** (С. А., баба Сара) — его жена, врач-гинеколог.

**Борис Постол** (Борька, Бобка) — брат отца.

**Аркадий Татауров** — студенческий друг отца.

**Нина Татаурова** (Семенова, Н.С.) — его жена, мамина однокурсница.

## 5 ноября

Здравствуйтесь, дорогие наши!

Вы знаете, ну никак не получается писать через два дня! Где бы я ни ходила, постоянно думаю о письмах, совесть мучает страшно, а присесть написать — ну нет времени, да и только. Дело в том, что ведь коротко писать я не умею, а засесть на два часа, — нужно время. Вот и выходит, что писать почаще и понемногу для меня трудней, чем реже и по целому талмуду.

Все время думаю, что папа опять огорченно подсмеивается: вот тебе и через два дня! Мамуля, ну как у тебя работа? Жив и здоров ли Никита? «Легок его бег? Все тот же ль он бурный, игривый?»

*Это кот, мама? Или собака?*

## 12 ноября

Интересно, как Вы провели праздники? Были где-нибудь или нигде не были? У нас они прошли хорошо, спокойно, благоразумно как-то.

Саша с шестого на седьмое ночь дежурил. Однако днем шестого, глупыш, вспомнил, что на праздники мы должны купить друг другу подарки. Взял днем в депо машину и прикатил в магазин. Вместе с какими-то приятелями забежал домой, оставил подарки на столе и укатил. А дома ералаш! Трудно вообразить. Я накануне писала газету, на столе чего только нет. А он еще хвастал им вышивками. Прихожу домой, лежат на столе духи «Красный мак» и капроны по пятьдесят рублей.

*Я, конечно, знаю, что это капроновые чулки. А твои внуки уже нет. И седьмого ноября для них любимый праздник, конец школьной четверти — но никак не власти помещиков и капиталистов. Мы попробуем им кое-что объяснить.*

Шестого я до двух часов ночи канителилась, мыла пол, гладила белье, сделала винегрет. Саша приехал в шесть часов утра. До десяти поспал, и мы пошли разыскивать деповскую колонну (наша б-ца почему-то не демонстрировала свою мощь). Продемонстрировала я вместе с депо.

Потом с главным инженером и его женой (помнишь, мама? Ломакин с Варей) зашли к нам. Я кое-что собрала на стол (получилось ничего: винегрет, колбаса, сыр, крабы, вино), немного посидели, ушли. Мы пошли с Сашей к Постолам, туда же пришел Аркадий Тагауров с Ниной. Пообедали, а вечером Саша не вынес, конечно, и буквально свалился в постель, пока мы у Постолов играли в лото. Пытались его поднять, он попросил только часик. Действительно, через час он сам встал, умылся и пришел играть в лото.

Восьмого, на другой день, с утра убирались, потом пригласил к себе Аркадий. У них посидели, а вечером, проголосовав с Сашей, единодушно решили никуда не идти,

а почитать вместе «Ивана Иваныча», что и сделали. Не хотелось идти в мороз, стоять в очередь на автобус. Куда приятней вдвоем.

Девятого с утра пошла на обход в больницу (я не отказываюсь от этих обходов, чтобы выкроить себе, может быть, на Новый год деньков пять, да и прикатить к Вам), сделала там две пункции спинномозговых, осмотрела тяжелых, описала новеньких и побрела домой. Прихожу, Саша уже вытопил печь и кряхтит над балконной дверью. Он ее проконопатил, засыпал опилками, подбил войлоком снизу, и в комнате сразу стало теплее.

Днем мы ходили в кино, да не достали билетов. А вечером Саша попросился пойти поиграть в преферанс к Аркадию, там собралась компания. Я отпустила, а Нина пришла ко мне. Мы с ней повышивали, а потом легли и уснули. Ровно в 12.00 явились супруги. Вот так и прошли праздники. Я считаю, что хорошо.

Масло у меня еще тянется, осталось с полкилограмма. Его особенно любит Саша: масло есть — можно и ужин, и завтрак не готовить.

Ну, пока все. Пишите.

Таня

## 14 ноября

Погода стоит — жуть: сегодня –22, мороз сильнейший да еще ветер. Беспокоит Саша: ездит в ботиночках. Купила ему калоши, но нужны валенки. А здесь нет. Нет ли там, дорогие? Носит он сорок второй размер. А то он так загнется.

Ему, между прочим, предлагают почти насильно жить на Втором Хабаровске. Дают квартиру полную из двух комнат под масляную краску, кухню, коридор, все свое. Начальник дороги приказал переезжать через два месяца, когда отстроят очередной дом. Тогда, говорит Саша, уж, наверное, не отвертись. Я, собственно, не откажусь, если припрут к стенке. Не может же он сказать: жена не хочет. Это будет звучать же-мещански.

Вот так мы и живем. Скучаю я по Вам неизмеримо. Если бы не было надежды в будущем жить вместе, я бы, наверное, бросила все и поехала к Вам. А так живу я хорошо. В кухне у нас холодина, и там прекрасно сохраняются продукты. Лилия наша второй раз в этом году собирается цвести, что явление небывалое в ее жизни. Саша ласковый, милый и спокойный мальчик (надо ему скорей приобретать вагник и валенки, паровозной душе...)

**17 ноября**

Здравствуйте, дорогие наши!

Получили вчера Ваше письмо, хорошее письмо, жизнерадостное такое. Когда Саша прочел, что его хорошо охарактеризовали, расцвел, конечно, паренек, но по привычке пошутил: «Вот здорово! Какой я, оказывается, хороший!» — и счастливо рассмеялся. Я же охладила его пыл: недавно на партактиве (там была Нинка, она рассказывала) Сашку упомянули недобрым словом все за тот случай (помнишь, мама?), когда он выпил и вместо машиниста повел паровоз. Случай этот был давно, но ругают до сих пор. Это очень неприятно слышать, куда лучше вот такие похвалы.

Между прочим, к вину Саша совершенно равнодушен, в этом отношении он напоминает мне папу: до вчерашнего числа у нас еще с праздников стояла водка. А тогда Саша выпил, потому что встретил старого приятеля, и тот ему преподнес (это в качестве оправдания, а то если узнает, что написала, — ох, обидится!). Впрочем, на меня он долго обижаться не умеет.

Папочка, к тебе просьба! Опиши подробно все, что знаешь о крушении Курильского острова. Тут ходят лишь слухи, а что и как, не знаем.

Отсюда, говорят, поехало много врачей во Владивосток во вновь оборудованные б-цы. Чего не послали меня, опытного педиатра, не понимаю? Куда, вообще, начальство смотрит?

*Начальство смотрит куда и всегда на собственное начальство; ему не до романтической комсомолки-доброволки. Время строгое, информация засекречена, разглашение приравнено к паникерству.*

*И что мог рассказать тебе дед?*

*Только через тридцать лет страна узнает правду о цунами. Оно смыло Северо-Курильск около пяти часов утра пятого ноября 1952 года. Десятиметровая волна тихо пришла в спящий поселок через сорок минут после землетрясения в Тихом океане. По официальным данным, погибло две тысячи триста тридцать шесть человек, фактически — около пяти тысяч...*

*Тебе, мама, предстоит еще многое узнать от меня. И вместе со мной. Про нашу страну и про нашу семью. Ты еще не догадываешься, какое это цунами...*

**24 ноября**

Ты жаждешь, папочка, видеть меня на вызове где-нибудь? Позволь описать тебе один.

В субботу по б-це дежурила врач Титова (старая, плохо и неопытно одевающаяся женщина, однако опытный — согласно возрасту — врач), — наш педиатр. Ее вызовы взялись обслуживать другие врачи. Два из них взяла я, так как они были в соседнем со мной доме. Наша завотделением посмотрела эти вызовы, покачала головой и сказала, что «ну, нет, пусть их обслуживает Мария Ивановна, там такая мамаша, что она забудет нашу девочку» (то есть меня). Ну, Мария Ивановна, конечно, вспыхнула, как фейерверк: как так? Она тоже наивная, скромная и педиатром работает лишь год (до этого работала кем-то другим). Я поспешно возразила, схватила вызовы и пошла.

Стучусь, захожу в коридор, спрашиваю: «Можно?» Из кухни кто-то невидимый говорит: «Можно». Спрашиваю в пространство: «Врача вызывали?» Невидимый отвечает: «Вызывали», однако лика своего не кажет. Я начинаю снимать пальто и объясняю попутно, что Титова сегодня дежурит и вместо нее я. Невидимый тотчас откликается из кухни: «И слава богу, и очень хорошо, что не она», — и вслед за этим являет, наконец, свой облик в виде красивой и толстой женщины. Она оглядывает меня как незваного татарина и говорит: «Ой, он только что уснул». Тогда я сама вешаю пальто и сурово говорю: «Разбудите».

Из кухни выглядывает замыгавшая девчонка: по всей видимости, прислуга. Я презрительно смотрю на женщину, которая и сама не работает, и прислугу держит, и спрашиваю: «Где у вас ребенок?» Она ведет меня, будит ребенка, раздевает его и сажает на низкую кровать, полагая, вероятно, что я сяду на пол и так буду слушать его. Я говорю тогда: «Возьмите его на руки, не на коленях же мне стоять». Тогда она хватает его на руки, а я сердито начинаю его обстукивать, облущивать и спрашивать.

В это время приходит с работы папа. Он тоже начинает вмешиваться, спорить с женой, сколько дней ребенок температурит и т. д. У ребенка фолликулярная ангина. Мать возражает (уже слегка понизив тон): «А мне сказали, что у него больше не будет ангина, он на курорте пил много соленой воды». Я говорю: «Глупости! Это настоящие предрасудки. У него не будет ангина, если вы удалите ему миндалины, да и то изредка могут быть». Тогда папа робко спросил: «Как? Резать ребенка?» Я прочла им краткую лекцию об источниках инфекции в организме и с достоинством удалилась, причем папа сам надел пальто на мои ученые плечи...

На моем же участке народ проще и смотрит на меня с почтением и уважением. Там каждое слово принимается без возражений, и они мне как-то ближе к сердцу, эти измученные, худые женщины, чем та, красивая и толстая. Сегодня пришла к одной: комната совершенно голая, ни тряпочки, ни цветочка. У двухмесячного ребенка дизентерия, мальчик славный, полненький, просто прелесть: болезнь только началась и не успела сделать из него «дизентерика». Первый сын в семье, детей больше нет. Говорю: «Нужно в больницу». Мать в слезы: «Пока я лежала в роддоме, мужик все пропил, а как же я сейчас?» Легла на кровать и плачет. И видно: и малыш ей дорог, и легла бы, конечно; но уйдет из дому последнее добро, тогда куда? По миру идти?

### 7 декабря

На днях отдам подшить свои валенки. Мастерская рядом с нами, обещают подшить в один вечер, а материал для подшивки (Борькины старые валеночки) дала Сара Абрамовна, когда узрела, что я хожу с рваными пятками. Тогда я прохожу в них зиму. Саша же не утеплен: и голова у него в холоде (шапка в мазуте, и он в ней ходит только на работу), и ноги. Утеплена лишь средняя часть. А сам мечтает: «Вот выиграли бы мы десять тысяч, купили бы тебе аккордеон, семнадцать пар капрон...»

Живем мы тепло, дружно и во взаимной заботе. Например, в моем интересном положении все время хочется яблок, а в городе их нет, так Саша с работы ночью забегает на вокзал в ресторан, раздевается, садится, заказывает килограмм яблок (иначе не дадут), захпихивает их в карманы и бежит домой. Так хорошо, когда он начинает выгружать из карманов на постель морозные яблоки.

### 1953 год

**Наталья** — моя сестра, родилась двадцать третьего июля.

**Борис Бещев** — министр путей сообщения СССР.

**Михаил Бланков** — лучший друг отца.

**Женя** — его жена.

**Надя** — соседка по хабаровскому дому на Станционной.

### 13 февраля

Здравствуйте, мои милые, дорогие мамочка и папочка!

Сейчас я пришла домой в два часа: впереди у меня отчет за участок в поликлинике

и политзанятие по материалам XIX съезда партии.

Переступив порог, я была удивлена: принесен уголь и вода. Хотя утром Саша уезжал, не успев ничего этого сделать. Что ли он приезжал днем? Ключ-то от комнаты у меня, так он, видимо, потоптался в кухне и уехал.

Ему, бедняге, достается: февраль ведь и нет трех спасительных последних дней, а план, как всегда, на месяц. Саша говорит, что он даже ругаться научился, кричит: «На тридцать первое число надеетесь?! Так ведь его нет!»

Был у них там в депо министр путей сообщений. Ругал за грязь и захламленность, а вообще все сошло хорошо. Сашу он спросил: «А кто вам, товарищ заместитель, сорвал погони? — Никто, товарищ генерал, но, когда лазишь под паровозами, они сами срываются. — Не носите тогда китель, носите тужурку. — Есть, товарищ генерал!» Сашка приехал веселый и все представлял в лицах.

*Фамилию доброго генерала (генерал-директора путей сообщения согласно Указу 1943 года) ты не пишешь, а она того заслужила. Это легендарный железнодорожный министр Бещев. Он принял Россию паровозную и пересадил ее на электропоезда с помощью таких энтузиастов, как мой отец. В 1944 году Сашка Коц стал самым молодым машинистом Дальневосточной железной дороги, получив паровозные «корочки» в семнадцать лет. Среди первых пересел на тепловоз, потом на электропоезд...*

*Мимолетная встреча на разъезде истории. Молодецкий инженер-капитан тяги смущенно улыбается генералу. А тот благодушно закрывает глаза на сорванные погони, словно какая-то волшебная искра из паровозной трубы проскочила между ним и Сашкой. Сталинскому генералу отчего-то симпатичен этот неуставной, тощий как семафор капитан, у которого все локомотивы вопреки износу и жестоким буранам четко выходят на линию.*

*Бещев навряд ли какой-то особенно сентиментальный министр. Просто им обоим, реформатору в генеральской шинели и романтику в промазученном кителе, одинаково нравится бежать впереди паровоза. Как очень многим в жестокой и задорной стране.*

*Еще за три недели до смерти Сталина...*

### 18 февраля

Здравствуй, дорогой папа!

Вчера мы с Сашей встречали маму. (Баба Варя едет из Владивостока в Москву

на съезд медиков СССР.) Немного опоздали, потому что долго не могли купить перронный билет. Когда, наконец, купили и выбежали на перрон, то увидели маму, которая с рюкзаком в руках бежала вдоль вагонов и, увидев нас издали, приветствовала: «Что же вы, лешие, опоздали? Ведь поезд уже отходит». Но до отхода поезда оставалось еще тридцать три минуты, а отход в это время давали пригородному трудовому, а не московскому.

Оказывается, мама, прождав нас минуты две, схватила рюкзак и поволокла его в медпункт, с тем чтобы там передать его с оказией Постолю. Не успела она достигнуть дверей медпункта, как в это время объявили отход трудового поезда. Решив, что отходит московский, мама сделала разворот и побежала обратно к вагону. Лицо у нее было расстроенное, но тут мы ее перехватили. Она успокоилась, узнав истину. Мы пошли в вагон и там посидели. Мама нашла, что я хорошо выгляжу и Сашка тоже.

Я ей дала авоську с подорожниками и двести рублей денег. И еще те деньги, что мама привезла Аркадию Тагаурову, тоже отдала ей. Аркадий сказал, что пусть мама купит в Москве свитер ему и Саше на эти деньги.

Большое спасибо за калорийный рюкзак. Понравился мне и подарок к Восьмому марта. Спасибо, милый. Ты теперь совсем один остался (не считая ветреного Никиты). Саша по дороге с вокзала все вздыхал, как ты там, надо бы письмишко написать.

*Опять Никита. Все-таки он кот или собака?*

## 24 февраля

Вчера вечером Саша меня увлек на второй Хабаровск на именины к одному котельному мастеру. Ему исполнилось шестьдесят лет жизни и пятьдесят лет трудовой деятельности. Он послал юбилейную телеграмму Сталину в Москву, приглашал к себе и секретарей горкома и райкома, и своих друзей котельщиков. Депо подарило ему его собственный большой портрет.

Была телеграмма от начальника дороги. Дом у него собственный, каменный, в семь комнат. Но мы так намаялись с поездкой туда и обратно (обратно ехали на машине в три часа ночи), а мне так не хотелось туда ехать, в чужую компанию, что все это вместе взятое привело к ссоре.

Сегодня я ушла на работу, не помирившись с Сашкой, хотя он просил, и весь день

только и жду его приезда, чтобы помириться скорей.

А то прямо скучно жить на свете. Больше не буду ссориться, Сашка славный парень; когда поссоришься, как-то особенно это чувствуется. Не поехать же ему, действительно, нельзя было, скажут: вот секретари не погнушались приехать к рабочему, а тут зазлался.

Оставляю место Саше для приписки.

Здравствуй, дорогой Ефим Яковлевич! Как Вам, должно быть, тяжело одному. Мы сегодня с Танюшкой поссорились и целый день были как будто разлучены. Я целый день не мог дождаться конца работы, чтобы быстрее приехать домой и помириться. На работе целый день все валилось из рук, работа не клеилась. Сейчас уже мир водворен и упрочен, и принято твердое решение никогда больше не ссориться.

С уважением — Саша.

## 1 марта

В больнице и детсаду пока все в порядке. Дети мои выздоравливают, правда, не все: девочка с воспалением почек лежит уже четвертый месяц, было поправлялась, и вдруг ухудшение. И сердце у нее уже страдает. А так бойкая и здоровая девка, все скачет, когда ей строгий постельный режим. Сегодня я велела снять с нее штаны, чтобы не вставала. Она уже плакала, плакала, потом слезы вытерла и говорит: «Я, Татьяна Ефимовна, буду лежать, только вы принесите мне книжку с картинками и бутылочки из-под лекарства: так же скучно». Ей шесть лет, обидно, если погубит: умная девочка и привыкла я к ней за четыре месяца.

Еще есть один парень, полтора года. Спокойный, толстый, как сдобная булка. И басом разговаривает; до чего симпатичный, не передать. Это прямо моя любовь. Но он, слава богу, поправляется.

Со сверекровою живу хорошо, требует, чтобы я к ней ежедневно ходила обедать в пять часов, и Сашке за это досталось; а я что, инвалид, что ли?

*А то нет? Пятый месяц беременности!*

## 13 марта

Здравствуй, дорогой мой милый папочка!

Обещали писать тебе через три дня, и вот какой перерыв получился. Но ты не обижайся, не жалуйся маме, что мы тебя за-

были. В эти дни произошли такие события, что не только письма писать, а вообще все из рук валилось. Я думаю, не только у нас, а и у тебя, конечно, тоже.

Теперь, когда вокруг все постепенно приходит к норме, становится возможным делать свои обычные дела, и вот я пишу. Подумай, в какое печальное время наша мама очутилась в Москве. Довелось ей своими глазами увидеть, наконец, Сталина (я думаю, она побывала в Колонном зале). Видимо, теперь ее съезд передвинут на несколько дней, да? Пишет ли она тебе? Как ее здоровье? Как твое? Я постоянно думаю о тебе, что скучаешь ты там, хандрить, наверное. А такое тяжелое горе трудно переживать одному. Я, когда была пятиминутная остановка, ушла из дому (Саша командовал в депо) и вместе с сотнями тысяч людей слушала радио на площади Сталина.

*Сталин умер неделю назад. Уже отревели пять минут отцовские паровозы.*

*Уже отрыдала в Колонном зале коммунист баба Варя. И ее дочь-комсомолка искренне оплакала вождя.*

*Вы не знаете, что по «харбинскому» приказу его наркома Ежова расстреляли Сашкиного отца.*

*И я не знал, принимаясь за эту книгу. Три года и вечность назад.*

## 18 марта

Мы, папуля, выиграли по облигации двести рублей, а сошелся бы и номер, так выиграли бы тысячу. Благодаря этим деньгам я сумела безнаказанно купить Саше модельные полуботинки за триста шестьдесят восемь рублей, ибо у него были всего одни, да и те развалились. Санька рад чрезвычайно, преисполнен благодарности и сулит купить что-нибудь хорошее и мне. Надо держать теперь ухо востро и не давать ему деньги. А то как купит!

На работе у меня и у Саши все пока в порядке. Сашка грозит не выполнить план в этом месяце. Но поскольку пока нет и двадцатого числа, то он бодр, весел и преисполнен энергии (правда, когда выспится).

Живем дружно, по-прежнему очарованы один другим. Вообще у Сашки неизменное присутствие духа и, как я посмотрю, эгоизма ни капельки.

Вот папа тогда удивлялся, что я до сих пор восхищаюсь Сашкой. А я и сама удивляюсь, откуда у него все хорошее, что есть, и все берется новое. Славный он, хорошо с ним жить.

## 1 апреля

Здравствуй, дорогой мой папочка!

Пишу тебе часто, хотя событий особенных нет, все течет ровно и обычно. Но я думаю, что в твоём отшельническом существовании это все же является некоторым фактором оживляющим. Потому буду писать обо всякой ерунде, ты же не осуждай.

Вчера было воскресенье. Саша с пятницы на субботу не ночевал: была обкатка. Зато в субботу приехал в пять часов, вымыл пол, натаскал воды, поел и свалился спать.

*Из «Руководства паровозному машинисту», утвержденного в 1944 году Наркоматом путей сообщения:*

*«Обкатка — пробная поездка вышедшего из ремонта паровоза на расстояние не менее 25 км в один конец. При обкатке следует обращать внимание на то, как везет паровоз, как работают парораспределительные золотники, нет ли пропуска поршней, не парят ли парорабочие трубы, как «делает паровоз пар», не греются ли какие-либо подшипники, валики или эксцентрики, не замечается ли неправильности в работе какой-либо части паровоза или тендера...» — почему так завораживает этот бесхитростный набор технических слов? Слово не суровые люди из НКПС писали паровозную инструкцию, а поэты...*

*Они и были поэтами, как всякие настоящие машинисты.*

*«Машина ИС, единственная тогда на нашем тяговом участке, одним своим видом вызывала у меня чувство воодушевления, я мог подолгу глядеть на нее, и особая растроганная радость пробуждалась во мне — столь прекрасная, как в детстве при первом чтении стихов Пушкина...» — одна, но пламенная страсть к паровозам сжигала и писателя-машиниста Андрея Платонова, и составителей инструкций Наркомата, и, конечно же, моего отца, выше преферанса и даже утиной охоты ставившего ночные обкатки...*

А в воскресенье мы отправились на базар за картошкой и прочей овощью. Сашка таскал за мной сумку и отпускал скептические замечания по адресу спекулянтов-продавцов: «Почем яйца? — Шестнадцать рублей десяток. — Недорого», — замечает иронически Саша. Идем дальше. Сашка опять: «Почем яйца? — Четырнадцать рублей десяток. — Ну, это вы продешевили, там вон по шестнадцать!» — хотя яйца мы уж давно купили, и они ему вовсе не нужны.

Идем мимо банок: «Почем банки? — По рублю. — Это пустые-то банки? — удивляется Сашка. Беда с ним ходить по базару.

*Это, конечно, шуточки военного детства, что прошло в Рафаиловском переулке. Встык с базаром, где ловила свой шанс голодная шпана...*

*Рынок и сегодня там. А на месте деревянного барака по Рафаиловскому, 4 построен детский сад. И сохранился отцовский дом только в городских архивах как «дом Гроссеви́ча». Военный топограф Петр Степанович Гроссеви́ч жил в нем со своей большой семьей почти до Октябрьской революции. В этот дом к нему приходил в 1908 году писатель Владимир Арсеньев, чтобы услышать из первых уст авантюрную историю старого топографа; как его, заблудившегося в тайге, подобрали удэгейцы, как жил он в их стойбище, подобно Робинзону. А вернувшись через много лет в бухту Ботчи, никого не нашел на месте разоренного поселка. И крепко загоревал, попал в лечебницу для душевнобольных... В знаменитой повести «В горах Сихотэ-Алиня» Арсеньев посвятил Гроссеви́чу несколько трогających до сердца страниц, именем его назовут ту самую бухту на берегу Татарского пролива...*

*Петр Степанович отслужил царю и Отечеству пятьдесят три года и четыре месяца. Умер от аневризмы сердца двадцать восьмого октября 1916 года в звании коллежского советника.*

*А похоронен советником статским — по личному распоряжению Николая II, почитававшего должным увеличить пенсию многодетной вдове. В семье топографа было четыре сына — Владимир, Александр, Михаил и Николай. И три дочери — Вера, Надежда и Любовь...*

*Конечно, мне никогда не пришло бы в голову, мама, искать в архивной пыли номер дома неведомых мне Гроссеви́чей. Но я увидел его в протоколе допроса Сашкиного отца. Моего деда Моисея. Он заселился с семьей на Рафаиловский, 4 в начале тридцатых годов, а в октябре 1937-го навсегда ушел отсюда под конвоем. И уже три года*

*я пробираюсь по его запорошенным следам, то и дело наступаая на незнакомые — сослуживцев деда, друзей или совсем случайного дворянина Гроссеви́ча и его семерых детей, накрытых, как метелью, революцией. В их доме разыгрывалась своя драма — как на подмостках каждого российского крылечка...*

*На нашем, еще согретом верой, надеждой и любовью, сидит и смотрит на меня мой девятилетний отец.*

## 8 апреля

Сегодня, как всегда, Саша позвонил в восемь часов. Спрашивает: «Что делаешь, Танюрка? — Кушаю (я теперь постоянно кушаю). — Тебе хорошо: ты кушаешь...» Я, конечно, всполошилась: «А ты разве не кушал сегодня? — Кушал. — Чего же такой печальный? — Устал, Танюрчик. Уже ругался сегодня прямо до чертиков. Надо мне, наверное, в отпуск ийти, а? А то сорву нервы, потом не поправишь. — Ну, так бери отпуск, в чем же дело? — Когда, Танюшка? — Ну, бери с июня, чего же ждать? Важно, чтобы ты отдохнул. — Ага, Танюшка, а то устал. Мы с тобой будем на левый берег ездить на лодке, да? Заедем, где никого не будет, и ты будешь купаться, да? — Ну, там будет видно, но ты скажи Ломакину, что берешь с июня, а не с июля». На том и порешили.

Такая усталость у него, определенно, в связи с какой-нибудь неудачей в депо: видимо, паровоз которому он дал выход, не вышел из-за какой-нибудь ерунды. А он, когда расстроится, всегда чувствует себя усталым. Впрочем, это и немудрено: ведь он уже два года без отпуска.

А работа у него — ой-ой! Ведь когда он даже приезжает домой и вроде все отдает мне, сама внимательность и ласка, — он ведь все равно не снимает с себя заботы за депо. Она висит у него на плечах: выйдет паровоз с браком, где-нибудь в пути авария, и Сашка, как миленький, несет сто процентов ответственности. Я удивляюсь, как при такой работе он сохраняет свою постоянную жизнерадостность и неизменно хорошее расположение духа. Впрочем, я удивляюсь ему постоянно.

## ТАНЯ ТЕРЕШЕНКОВА: СОПЕРНИКИ

*Из студенческого дневника*

10 сентября 1948 года

Сегодня девушки разыграли меня с письмом из Совгавани. Это только рас-

травило начинающую заживать рану. Нет, все ни черта, но как представляю себе, что



Виктор Алтайский приехал, что я поднимаюсь по лестнице, а он стоит наверху...

Черт возьми, я превосходно навирую, что я для него случайно встретившаяся в пути, ну, смазливая девчонка, играющая на аккордеоне, неглупо рассуждающая, немного остроумная, немного насмешливая, но, в общем, сразу же влопавшаяся в него и довольно скучная. А я вот не могу его забыть. Еще бы раз, хоть один раз его увидеть.

### 14 декабря 1948 года

Я не могу писать: дневник как-то сковывает мои мысли. Я не совсем в состоянии полностью выложить сердце. Становится досадно, фразы кажутся графаретными. Ах, я сейчас вспомнила Виктора А. Он увлекает меня романтикой своего образа. Я это отлично понимаю. Но как он хорош, наверное, в шторм, в бурю, спокойно покуривая папиросу, в плаще, который развеивается за плечами. Чорт возьми, ну зачем я это думаю? Время, время — лучшее мерило.

Думает ли он хоть немного обо мне?

### 3 января 1949 года

Новый год встречали с ребятами из жел-дора. У меня новый поклонник, студент третьего курса жел-дора Саша Коц. Как говорит Аркадий, его друг, Галке У., он влюблен, как никогда, целыми днями только и говорит обо мне. Я вообще-то сама удивляюсь, сколько можно смотреть на меня. А он может делать это, не отрываясь, весь вечер. Чудак, такой остроумный и веселый парень, такой умница и душа компании, а если случайно дотронется до моего плеча, сразу же отдергивает руку: боится даже дотронуться.

Мне с ним приятно ходить в кино, танцевать (он прекрасно танцует), но, надо признаться, я стараюсь не смотреть на него. Он из хорошей семьи (отец и мать — врачи), в нем чувствуется культура и эта чуть заметная аристократичность в отношении его к младшему братишке Бобке, в манере держать себя, во всем.

*Он не сказал тебе, что живет с отчимом. Отца, Моисея Израилевича Коца, арестовали двадцать первого октября 1937 года на глазах десятилетнего Сашки.*

*И большие сын не видел его никогда, потому что у Моисея не было ни единого шанса: его отец в 1919 году бежал от погромов из Уфы в Харбин, а самого Моисея угораздило три месяца отслужить полковым фельдшером у Колчака. Потом он во-*

*евал в Красной армии, но это следователям было уже неинтересно...*

*Знал ли об этом Сашка? Да если бы и знал, никогда не стал бы говорить об этом в стылом 1949 году. Тем более девчонке-болтушке. Тем более приворожившей с первого взгляда...*

В первый раз он увидел меня на концерте у нас в институте. Потом я танцевала с ним вечер в жел-доре. Потом он несколько раз приходил к нам, но я не ходила, и он зверски напивался. А теперь вот он не сводит с меня глаз. Позавчера были с ним в Доме офицеров, а вчера в кино.

Отношение мое к нему отлично от Виктора А. С Виктором мне было приятно и легко, я знала, что все это мимолетный роман. А здесь я и стесняюсь его, и жалею, и сердце замирает от его взгляда, печального и точно просящего что-то.

### 4 мая 1953 года

Здравствуйте, родные мои!

Саша с тридцать первого на первое дома не ночевал, ибо хоть план и выполнил, но осталось кое-что подчищать. Утром приехал, умылся, побрился, переоделся, и мы отправились отсыскивать Сашкину колонну.

Май был теплый, солнечный, кто бы раздет, кто в пальто. На демонстрации встретили двух Сашкиных сокурсников, прихватили их, потом пошли к Бланковым, прихватили их. И все вместе пошли к Постолам. Оттуда позвонили Аркадию, позвали их. Собралась, таким образом, молодая и веселая компания. Поели, попили, поехали под пианино. Сара Абрамовна и Григорий Семенович тактично удалились, и тут началось такое веселье, что мы, я, Нина и Женя, чуть не умерли от смеха.

*Отчиму Григорию Семеновичу Постолу в 1937-м повезло: начальник врачебного участка дальневосточной станции Ин, он был приговорен всего к двум годам лишения свободы без поражения в правах за халатность (высокая смертность от дизентерии на участке). Но «кассирован Военной коллегией Верховного суда СССР до одного года ИТР с 15% отчисления из зарплаты». Деда Гриши женился на вдове врага народа в 1944 году, а в 1953-м спасал гинеколога бабу Сару в неприметной больничке, когда по нашей семье проехалось «дело врачей». Два месяца без Сталина. Уже нельзя умереть за смех. Уже можно со смеху.*

Аркашка танцевал балетный вальс, подражая известным балеринам, а Генка Уражцев «поддерживал» его, да так, что у того ноги оказывались под потолком, а голова у пола. Сашка надел материнскую юбку, и они с Аркашкой танцевали польку, причем Сашка уморительно кокетничал. Потом втроем, Сашка, Аркадий и Юрка Сапрунов, танцевали негритянский ритмический танец. Словом, мы наохотались до упаду.

Потом поиграли немного в лото и под вечер пошли прогуляться по улицам. Дошли до ДОСА, и Аркадий начал тянуть нас туда танцевать и выпить пива. Я не очень хотела идти, так как ведь Саша ночь-то не спал и целый день крепился, да потом мне не очень нравится публика в ДОСА: престарелые накрашенные невесты, ищущие и жаждущие женихов; и «женихи», у которых дома жена и куча детей. Но, в конце концов, мы туда все-таки пошли. Мне очень было жаль Сашку, и я боялась, что он устал, но он без устали танцевал и вдохновенно говорил мне на ходу: «Ведь это ж май, Танюшка! Я готов танцевать так с тобой всю ночь».

Потом они потащили нас с Нинкой вниз в маленький ресторанчик. Взяли себе пиво, нам шоколад и хотели купить нам шампанское, но мы в ответ дружно завопили, потому что не было уже никакого желания снова пить что-то хмельное. Саша пытался убедить нас, что «ведь это же май, девчонки! Давайте откроем шампанское, зальем и этот стол, и эти шторы», но нас эти вдохновенные речи не трогали. Потом Аркадий предложил еще танцевать, но тут уж я решительно отказалась.

Мы с Сашей сели в автобус, тут его напряжение слетело, и он принялся подремывать, а я время от времени толкала его под бок, жалея, что не уехали раньше. Сашка тотчас открывал глаза и говорил: «Танюрчик, да я ж не сплю», и опять закрывал глаза, а я опять толкала его тихонько под бок. Он, конечно, хотел спать весь день, но не хотел портить мне праздник и вот держался.

Дома он уснул, даже не успев выкурить папиросу, и она так и осталась у него в руке.

## 8 мая

К нам ночью ломились незваные гости, стучались, правда, недолго. Я-то слышала, но раз недолго, то не стала будить Сашу. А они ходили по всему подъезду, оказывается, всех перебудили. Потом пошли стучаться в соседний большой дом и там, между прочим, помились к доценту Гнедовскому. А у

него телефон, он взял да и вызвал милицию. Милиция пришла и их забрала.

Саша пошалел, что я не разбудила его: «Я бы открыл дверь и приласкал их топором...» Какое счастье, что не разбудила! Но перетрусил я жутко.

А на другой день Саша забыл дома свой ключ от наружной двери. И по телефону посоветовал мне не ждать его, а положить ключ в письменный ящик. Я положила, а потом, конечно, создала панику: заперла дверь в комнату и положила возле двери топор. Саша приехал ночью, увидел этот топор и, конечно, развеселился: «Вот бы он сунулся, ты бы его как бабахнула! Да, Танюрчик? А ты бы его каким концом била, тупым или острым? — Тупым... Отвяжись, Санька! — Нет, Танюрчик, лучше острым, разрубишь на половинки, а с половинами уже легче справиться...»

Ну, теперь амнистированные исчезли, и паника улеглась.

*Знаменитая амнистия 1953 года, по которой на свободу вышли один миллион двести тысяч заключенных. В соответствии с Указом — пожилые, инвалиды, несовершеннолетние... Я уверен, что, когда эшелоны с амнистированными покатались на запад по Сашиной железной дороге, он каждый день ждал стука в дверь. Не вкрадчивого, как в октябре 1937-го. И не грохота, как вчерашней ночью. Отцовского. И, конечно, тысячу раз представлял отца на пороге. Пусть даже инвалида. Лишь бы живого.*

*Уже минуло пятнадцать лет, как Моисей Коц сгинул. Больше сидели только убийцы и контрреволюционеры, наверняка раскидывал своим шахматным умом Сашка, но что общего у их людоедских статей с абсурдным арестом санитарного врача?*

*Сашка так никогда и не узнал, что Моисей осужден по расстрельной 58-й статье. И еще пять лет после амнистии, до извещения о посмертной реабилитации, сын ждал, что отец ступит на порог.*

*А придет он уже ко мне.*

## 10 мая

Позавчера я после работы пошла в баню. Прихожу домой и вижу мазутного Саню, который, жажда ворваться в комнату, ломает замок на двери. Засадил в него ключ, ключ вертится, а дверь не открывается, и назад этот ключ не вынимается. Сашка грязный, расстроенный, ни умыться ему, ни переодеться. Приехал в шесть часов,

мечтал сводить меня в киношко, а вместо этого полтора часа просидел перед дверью.

Мне стало жалко его ужасно, и я принялась подлизываться. С трудом вытащили злополучный ключ, открыли дверь. Но Сашка был расстроен: я ластилась, ластилась к нему да и обиделась: ну сколько можно, а человек все невеселый.

Едва я обиделась, как роли переменялись. Начал подлизываться он, но тут уж я стала невеселая. Он и хныкал, и острил, ничего не помогало.

Я пошла мыть руки, а он лег в постель. И вот тут, когда я начала вытирать руки, он вдруг растерянно и удивленно спросил: «А почему ты меня мокрыми руками не тронула?» (Утром обычно, когда я сплю, а он умывается, он обязательно пощечочет меня мокрыми руками). Вы не поймете, наверное, но это был такой милый вопрос, что мне сразу стало весело, и примирение состоялось. Вот ведь что может надеть престой замок. Я, наверное, никогда не устану петь дифирамбы Сашке, Вы чувствуете? Но я, главное, уважаю его, и чем дальше, тем больше, а потом он удивительно хорошо относится ко мне. И я уже, если он не приезжает на ночь и сообщает мне об этом по телефону, реву прямо в трубку, а он расстроенным голосом клянется, что завтра приедет в пять часов. Но бывает, что я реву, а он звонит через двадцать минут и с отчаянием говорит: «Танюшка, скучаю!» Правда, здорово?

### 13 мая

В это воскресенье Саша открыл балконную дверь, а потом мыл пол.

Я, чтобы не видеть его за этим сугубо «бабским» занятием, ушла на базар. С базара приперла не что иное, как ковровую дорожку. Правда, всего два метра, но красивая и широкая: бордовая с зелеными полосами по краям. Три дня мы с Сашкой дружно восхищались, положив ее перед кроватью. Теперь привыкли, но вид в комнате, правда, стал нарядным. Остался теперь только ковер на стену.

Сара Абрамовна смеется, когда мы с Сашкой начинаем мечтать в ее присутствии о ковре: «Больно рано начали вы мечтать о нем. Мы всю жизнь пожили и ковра не нашли. Тратьте-ка лучше на еду». Она мне каждый раз отсылает то яиц, то огурцов, то мяса. В общем, женщина она хорошая, что и говорить.

Я, кстати, дала денег знакомой проводнице, и она привезла мне из Благовещенска

два десятка яиц по девять рублей. Правда, яйца мне уже надоели. Но Сашка пичкает меня чуть не насильно: «Это же белки: они нужны и тебе, и сыну... — Нет, дочери! — Ну, дочери, какая разница?»

Ему, конечно, хочется сына, но, чтобы не огорчать меня, он упорно говорит, что ему все равно. И даже мечтает: «Мы ей будем ленточки покупать, да?» Я смеюсь: «Почему же ленточки? Прежде нужны пеленки».

Сегодня полдня льет дождь. Пришла я из города домой, поставила греть воду, а сама пошла в баню. Прихожу, а вода холодная и света нет.

Стирка, таким образом, отпала. Сижу я сейчас при свечке и пишу, а что буду вечером делать и сама не знаю.

Только что звонил Сашка, испугал меня; говорит басом: «Кто это?»

Я говорю: «А вам кого? — Мне Терешенкову. — Это я. — Ну то-то! Небось испугалась?..» Говорит, что пошел на комсом. собрание, где ему необходимо присутствовать, но на поле ему уйдет и через часик приедет.

Это хорошо, конечно.

Сашка не против, чтобы я рожала во Владивостоке. Единственное, что его огорчает, это то, что «тут бы я один за тобой ухаживал, а там будут все...».

### 16 мая

Здравствуйтесь, дорогие Ефим Яковлевич и Варвара Павловна!

Сегодня у нас день полон хлопот. Убрали комнату, выбрали судью Ж.д. района, НЕ купили мне фуражку, выпили пива, купили яйца для посылки и теперь к двум часам дня торопимся в парк культуры и отдыха на физкультурные соревнования.

Дальше у нас день распланирован: пойти к маме, исправить Борису велосипед и сходить в кино. Вот подробный перечень забот в воскресный день.

Сегодня pošлем Вам посылку, правда, маленькую, особенно Ефиму Яковлевичу, но ничего хорошего не нашли. Следующий раз будет лучше.

Сейчас я со страхом отсчитываю каждый день, ведь через месяц Танюшка собирается ехать к Вам, а мне, наверное, не удастся; приеду попозже. Будет очень скучно без нее одному. Лучше бы она не ехала.

Ну, вот пока и все.

С уважением, Саша.

*В слове «Вам» маленькую букровку на большую, конечно, ты переправила?*

**26 мая**

Кругом всюду идут сокращения. Среди железнодорожников ходят такого рода анекдоты: «Как себя чувствуешь? — Как в фотографии: жду, снимут» или «Как у вас в отделении? — Как в автобусе: двое работают, остальные трясутся».

Недавно в субботу прихожу в три часа домой и вижу: сидит Санька чумазый, как негр, и в ожидании, пока нагреется вода, уплетает консервы трехдневной давности (ибо я ничего не готовила). Я, конечно, с радостью вскричала: «Ты почему так рано? — Сняли. — Нет, правда? — Правда. — Врешь! — Правда сняли. — Кто ж на твое место? — Данилов там один. С Приморской». Я смотрю и не могу ничего понять: лицо у него грустное, а между тем аппетит ничего. Я еще раз с надеждой спросила: «Врешь, Санька?» Он спокойно отвечает: «Вру, конечно». Я тогда начала смеяться, потому что он бывает иногда как артист: совсем с толку сбивает. Спрашиваю: «А кто же этот Данилов?» «А это, — говорит, — вроде Иванова или Петрова».

*В 1953 году начались масштабные сокращения Вооруженных Сил: на пороге ядерная война, а мы с трехлинейками! Под сурдинку зачистили и Министерство путей сообщения, которое еще в 1943-м встало на военные рельсы да так с них и не съехало. Уставы, воинские звания, погоны... Сохранилось несколько фотографий инженер-капитана тяги Александра Коца во всей офицерской красе. Видно, как безумно нравятся ему атрибуты войны, на которую не успел...*

*А вот юмор у капитана совсем не армейский. Тонкий, бабелевский.*

*Он и меня сбивал с толку: как можно шутить с абсолютно серьезной физиономией?! Я и на это, мама, найду ответ. Уже скоро.*

**28 мая**

Дописываю через два дня. Позавчера я прямо из школы поехала в город, где, походив по магазинам, отправилась в кино, и домой попала лишь в семь часов. Смотрю, лежит записка: «Уехал в Бикин на два дня на съезд. Тяжело, что не простились. Осталось тридцать минут до отхода поезда, билет не закомпостирован, а я все жду: может, пойдешь... и т. д.», в общем, трагическая записка, ужасно! Я смотрю, ничего не поел, к тому же все деньги были у меня, уехал без

денег. Вдобавок ко всему он вымыл пол и чисто убрал в комнате. Как увидела я этот вымытый пол, так села и принялась плакать от жалости и раскаяния. Целый день я не ела, поэтому села кушать: ем и обливаю слезами свой омлет. В комнате сразу пустота, как-то неуютно. А главное, что не простились.

Чувствую я себя хорошо. Между прочим, все говорят, что у меня будет мальчик. Ох, не хочу! Ты же, как и Сашка, наверное, обрадуешься. Саша на днях высказал мне свой взгляд на сына (полушутя, конечно): «Пусть у него под одним глазом будет синяк, под другим фингал. Одевать его хорошо нельзя, чтобы не зазнался перед товарищами, плохо одетыми...» Одним словом, я немножко представляю себе Сашкин идеал сына: этакое замаранное существо, воинственное, честное, справедливое и уважаемое своими товарищами.

*По крайней мере, с замаранной одежкой я его не подвел? Ну и, само собой, с фингалами...*

**6 июня**

Я уже три дня в отпуске. Арендвала у Нининой свекрови швейную машинку и теперь начну шить всякие забавные вещицы. Мануфактуру я накупила, благодаря Сашкиным премиальным, совершенно безболезненно для ежедневного бюджета. Купила Саньке белые брезентовые туфли на кожаной подошве. Советую, папуля, купи и ты себе. Легко, не жарко и нарядно. Их надо, правда, изредка мыть щеточкой под умывальником, но что тебе! Мыл же ты покойничка нашего Никиту, а он еще и царапался.

*Все-таки кот...*

**20 июня**

Я купила в универмаге целлулоидные игрушки: утенка, белку, собачку, медведя, попука (средней величины), зайку и льва. Когда мне нечего делать, я достаю их и рассматриваю, потому что сама до сих пор люблю игрушки.

Мое здоровье — хорошее. Отеков нет, ходить не тяжело. Как выразился Сашка: «Мы с Таточкой мужественно несем свое бремя...» Действительно: «Мы с Таточкой...», даже в декрет идем вместе, он со дня на день уходит в отпуск.

Сашка по-прежнему для меня на высоте своего положения. Это счастье, что я не предпочла никого другого. Жизнь наша

это как бы продолжение моей домашней жизни: взаимное уважение, честность, великодушие к людям, большая взаимная забота, а главное — полное взаимопонима-

ние. Иногда мне приходит в голову мысль: а что, если бы вдруг сложилось иначе? Вот бы где страдала! Да и Вы со мной. Честное слово, счастлива.

## ТАНЯ ТЕРЕШЕНКОВА: СОПЕРНИКИ

### *Из студенческого дневника*

**3 января 1949 года**

Вчера отправила письмо Виктору в Сов. Гавань. Я сильно тоскую о нем. Кто знает, чем все это у нас кончится? Там будет видно, а пока надо подумать о сессии. Анатомию боюсь страшно. Неужели завалю? Самое страшное, что я и в ус не дую, и занимаюсь не тем, чем положено.

Нет, а все же интересно, напишет он мне ответ или нет? Ах, ну как разобраться? Или здесь просто приятно задето самолюбие, что вот такой блестящий офицер специально из-за меня ездит в Хабаровск, мучается, страдает, шлет телеграммы. Или мне просто приятно побыть с ним, таким красивым и ловким, приятно, когда девушки с завистью смотрят на меня. Или меня к нему влечет вся романтика его образа?

**3 февраля 1949 года**

Итак, я дома. Но послезавтра уже отчаливаю в Хабаровск. «Что день грядущий мне готовит?»

Беспокоит, хотя все же немного волнует, встреча с Сашей. Какой будет конец этого романа? Цыганка ему нагадала, что он женится на мне.

И он, кажется, склонен твердо верить, что это судьба, что так и будет. Напрасно, этому не бывать никогда.

**24 июня 1953 года**

Эти дни мы ничего толком не делаем, потому что на пути ко всякому мероприятию стоит препятствие: жара +35... +38. Люди по городу ходят, как вареные, и занимаются серийной закупкой электровентиляторов. Мы с Сашкой, промаявшись ночи три в жару (теперь жара не спадает и ночью) и без сна, тоже срочно помчались в город и приобрели эту единственную надежду на спасение. Надежда стоила семьдесят пять рублей, и теперь мы блаженствуем: включаем и днем, и ночью, и лезем под него оптом и в розницу. Мое самочувствие хорошее и даже отличное, если сижу дома. Отеков нет, давление крови понижено несколько, вследствие жары. Сара Абрамовна говорит,

что это ничего, естественно в жару, и уж, конечно, лучше, что не повышено. Она советует мне в жару сидеть дома и шпынует Сашку, чтобы он обдeldывал домашние дела сам. Сашечка безропотно обдeldывает. Нет, правда, молодец, помогает: ходит на базар, моет полы. Делает все это чрезвычайно охотно и здорово, в поте лица. Хотя от жары изнывает в два раза хуже меня, потому что пьет воду неумно, может по полтора ведра в день. Сейчас он прохлаждается под вентилятором, читает Тургенева «Певцы». Я посоветовала, говорю, папа эту вещь любит.

*Только сейчас и я прочитал «Певцов»...*

*«Не одна во поле дороженька пролегла», — пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Яковом, видимо, овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более — он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся. Он пел, и от каждого звука его голоса вяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня. Я оглянулся — жена целовальника плакала, прижав грудью к окну...»*

*В автобиографической повести «Встречи на дорогах» Ефим Терешенков, мой дед Сима, писатель, учитель и краевед, оставил нам воспоминания о своем отце, моем прадеде, с которым на крутой развилке истории разошелся навсегда. Отца звали Яковом, как тургеневского певуна...*

*Может, еще и поэтому дед Сима любил «Певцов». Но, мне кажется, перо зятя он любил не меньше.*

Здравствуй, дорогой Ефим Яковлевич!

Вот уже пять дней я в состоянии отпуска. Никогда не думал, что у человека существует еще одна тяжелая обязан-

ность — находиться в отпуске. Из пяти дней два я провел в депо, а сегодня целый день провел в Управлении дороги, отчитывался за прошедшие и будущие грехи и заработал выговор.

А вчера заработал строгий выговор с самыми последними предупреждениями от Танюшки. «Хлеба не купил, редиски нет и вообще будешь ты когда-нибудь в отпуске, или нет». Вот такие-то дела.

А еще у нас большое событие. Две недели тому назад мы купили кресло-качалку. Всю дорогу от универмага это кресло качалось у меня на спине, вызывая обильный пот. Наконец, прикачалось домой. И здесь — о ужас и трагедия — оно не вместились в комнату.

Начали прикидывать и гадать. Загнали стол под кровать и поставили качалку, но так как без стола неудобно, а на коврик по-корейски мы кушать еще не научились, пришлось стол извлечь обратно. Затем Танюшку осенила гениальная мысль — отломать у качалки-кресла передок и немножко подрезать задок. Так мы и сделали. И теперь на радость нам и зависть соседям качаемся мы по очереди на этой качалке, которая занимает сейчас всего четверть комнаты.

Ефим Яковлевич, мы с нетерпением ждем, когда Вы разделаетесь с работой и приедете к нам. Я, как молодой и малоопытный муж, нуждаюсь в серьезной, квалифицированной помощи. На какие вопросы, с точки зрения ухаживания за любимой женой, нужно обратить самое серьезное внимание. Пока все мои промахи мы относим за счет моей молодости и глупости. Вы знаете, мне очень хочется предугадать все ее желания, чтобы она была все время веселая и радостная, а так как этих желаний у Танюшки не особенно много, то мне при всей моей неопытности, это почти удастся. Ефим Яковлевич, теперь есть биологический вопрос. Какая нечистая или чистая сила заставляет вьюнок или горошек тянуться к веревочкам или палочкам и виться вокруг них? Мы на балконе в ящике посадили эти вьюнки на довольно значительном расстоянии от веревочек и палочек, и все же они находят их и начинают виться по ним вверх.

Сейчас прозвучал сигнал отдать письмо в корректуру и приготовить к принятию пищи. Противиться не смею.

С уважением — Саша.

*В местоимениях Вы и Вас корректура снова исправила легкомысленные строчные*

*заята на политкорректные прописные. Но я же вижу, как ты хихикаешь над качалкой, беззаботно прикачавшейся домой на отцовской спине...*

*Я теперь точно знаю, мама, откуда у него это безукоризненное чувство юмора и слова. От весельчака-отца Моисея Израилевича. Моего деда. «Славному другу и «веселому малому» М. Коцу... Славному вечно веселящему нас Мине... Известному инструктору по организации кабаре в Сибири «Пойдем, пойдем, мой дружок»... Развеселому, разудалому, остроумному да и вообще очаровательному Миничке Коцини...» — полустершиеся автографы друзей и подружек деда я сумел разобрать на студенческих фотокартонках 1919 года.*

*В 1922 году «очаровательный Миничка» закончил Томский мединститут, женился на бабе Саре, в 1927-м у них родился сын Сашка. Моисей Коц работал санитарным врачом в Крыму, Костроме, Владивостоке, Хабаровске. Писал доклады и научные труды: «Новое жилищное строительство в Костроме» (журнал «Эпидемиология» за 1931 год), статья «На полях ассенизации в Костроме» в сборнике «Планы ассенизации». Я узнал об этом из его уголовного дела...*

*Два моих деда-ровесника или по жизни бок о бок. Но учитель Ефим рассказал о себе читателям. А врач Моисей — палачам. Какие далекие жанры, мама, сплелись в нашем сюжете...*

### 30 июня

Здравствуйте, дорогие Ефим Яковлевич и Варвара Павловна!

Сегодня уже тридцатое число, самое напряженное время на работе. А я бездельничаю, даже как-то немного стыдно. Вчера не утерпел, съездил в депо, посмотрел, как идут дела. Немножко успокоился. Прошло уже десять дней, а я все не могу привыкнуть к безделью.

День у нас сейчас проистекает в следующей последовательности. Встаем в девять-десять часов. Я получаю задание в письменном виде (полный перечень требующихся закупок с указанием количества), беру кошелку и отправляюсь на закупку дневного рациона. После моего возвращения готовим завтрак и садимся за него в двенадцать-тринадцать часов. Сразу же после завтрака начинаются заботы об обеде. Наконец, все успокаиваются, потому что самая сложная проблема — проблема пита-

ния — разрешена. Дальше, если позволяет жара, идем в город, если же слишком жарко, сидим дома и по очереди залезаем под вентилятор, обдуваемся свежим воздухом.

Танюшка шьет всевозможные маленькие вещички, названия которых я никак не могу запомнить. Я ей усиленно в этом мешаю. Подсаживаюсь рядом и помогаю продергивать иголку...

*А через двадцать три дня родится Наталья...*

## 15 декабря 2011 года

*Наталья — мне*

Привет, Игореха!

Ты спрашиваешь, как я напала на мамин письма? Совершенно случайно. Когда в 1974 году похоронили деду Симу, бабушка попросила разобрать его письменный стол. Я села на пол возле двухтумбового стола, выдвинула нижний ящик и сразу наткнулась на конверт, подписанный маминим почерком (какого года было письмо, уж и не помню). Прочла его, затряслась, конечно, и стала лихорадочно разгребать нижний ящик, откладывая в сторону письма. Они, кстати, все были в конвертах. Потом перешла к среднему ящику, потом, к верхнему. В правой тумбе стола письма были во всех ящиках. А вот в левой лежали рукописные странички (которые мы, идиоты, потом выбросили! Почему, зачем, и куда смотрела баба Варя?!), какие-то квитанции, почетные грамоты.

Распотрошив стол, перебралась к книжному шкафу, что стоял в углу у окна. Там меня поджидала удача. На верхних полках стояли книги, а на двух нижних лежали простые картонные папки с завязочками. И вот в двух папках были письма!!! (по-прежнему каждое в отдельном конверте).

В следующие приезды во Владивосток я добралась до кладовки, которая сверху донизу была заполнена книгами, папками, открытками и всевозможными безделушками. Я разбирала по листочкам каждую папку, и иногда мне улыбалась удача в виде маминих писем и открыток. Но в основном папки были заполнены дедушкиными рукописями (которые мы опять же уничтожили...).

Уже в Хабаровске, в 1976 году (когда сидела с Санькой в декрете), я повытаскивала все письма из конвертов и разложила их по годам.

Баба Варя знала о маминих письмах, но читать их не могла и даже не пыталась. Зато помню, что в 1986 году она перечитала все

дедушкины книги, особенно долго читала «Встречи на дорогах», видно что-то они ей напоминали.

## 17 сентября 1953 года

*Через неделю Наталье исполнится два месяца.*

Здравствуйте, дорогие мои, родные!

Сейчас около восьми вечера. Саша придет через полчаса (пока он приезжает точь в точь в 8.30, к купанию). Наташка лежит поемши и потому благодушно рассматривает петуха и курочку, которых я ей в виде коврика повесила над кроватью. Кроватки, собственно, еще нет, сделают дня через два-три. А спит она пока в качалке на подушке.

Ну, прежде, конечно, о ней: доехали мы от вас хорошо, если не считать, что Наташа почти не спала, а к утру было здорово холодно, и она базлала до тех пор, пока мы не догадались достать зеленое одеяло и вернуть ее. Тогда она пригрелась и уснула, и перед Хабаровском спала.

Что нового у нас с ней? Во-первых, то, что она сосет соску. Для этого пришлось лишь два раза обмакнуть ее в сахар (соску, т. е., а не Наташку...) Теперь она засыпает с соской, и плача совершенно нет. И спит с соской. Вот, мама, мы с тобой мучались, и все, как ты выражаешься, зря ума. Во-вторых, ночью она спит подряд восемь часов и стала гораздо спокойнее днем. И, в-третьих, пачкает одну пеленку через день (третье, конечно, плохо, но клизму ставить я все же не хочу). Здесь она произвела всеобщее впечатление.

## 18 сентября

Продолжаю: Наташа здесь всем нравится. Тем более, что по сравнению с бланковским мальчонкой она, действительно, очень хорошая. У них мальчик имеет вид глубокого недоноса и гипотрофика II степени.

По их подсчетам, он родился восьми-месячным, а такие, кажется, не живут, да? Вдобавок, он перенес уже пневмонию, а сейчас температурит на пиодермию. В общем, дай им бог. Они оба измотались и похудели, и все ходят к Постолам и носят младенца на консультацию. Я же, наоборот, ничьих советов не слушаюсь. Что мама сказала во Владивостоке, то и буду делать.

*Глубокий недоносок и гипотрофик II степени — жестко ты про моего лучшего друга Сашку Бланкова! С которым мы вместе уже, страшно сказать, полвека...*

## 21 сентября

Вот Вам настоящий дневник. Начала семнадцатого, а кончаю двадцать первого. Но вот уж Наташа хныкает, а поэтому придется опять прерваться.

Купаем Натку мы вдвоем с Сашей, пока в соседской ванночке. Натку он очень любит: по два раза в день звонит, как она, целует ей колени и заднююшку даже! А сегодня ночью я ее переворачивала на кровати, Саша вдруг решил перевернуться с боку на бок и, переворачиваясь, шархнул ее по голове коленом. Натка закатилась плачем, я схватила ее и тоже заплакала, Сашка в ужасе прилип к стенке, ожидая, чем кончится все это.

Сон с него, как рукой сняло. Кончилось все, слава богу, благополучно.

Вчера, в воскресенье, Саша сходил на базар, купил мяса и овощей (свинина здесь по 27 руб. кг, самая дорогая), потом купил в городе стиральную доску и таз, ванночки же подходящей нет. Потом съездил в депо на Хабаровск II, дал задание. А потом пришел Аркадий и стал звать его на стадион. Саша сказал: «Нет», а сам умоляюще посмотрел на меня. Я его отпустила, а через полтора часа он, как штык, был уже дома.

## 4 октября

Натка, мамочка, после того телефонного разговора, когда ты спросила — разговаривает ли она? — вдруг так здорово заговорила. Звуки идут откуда-то из желудка, да громко, да серьезно. Без смеха нельзя слушать. Хотели мы ее сфотографировать, и с этой целью Г. С. позвал корреспондента из «Молодого дальневосточника», но тот не пришел.

*Не сердчай, мама, на «Молодой дальневосточник». Я там напечатал первую в жизни заметку, а после университета распределился туда вместе с твоей невесткой Таей. И фотограф Гришка Лобода реабилитировал перед вами «Молодой», когда мы позвали его поснимать нашего первенца...*

*И это корреспондента «Молодого дальневосточника» Ирину Полникову я попросил поискать следы Моисея, сгинувшего в октябре 1937 года; она сотрудничала с обществом «Мемориал», знала нужных кагэбэшников. Мы не виделись и не разговаривали с ней двадцать пять лет. Никогда не были друзьями. Но уже через сутки Ира позвонила мне и назвала статью и дату рас-*

*стрела деда в подвале внутренней тюрьмы Хабаровского управления НКВД.*

58-1 «а».

21.01.1938.

## 7 октября

Саша зарегистрировал Натку в загсе на свою фамилию. Я говорю:

«Ты же обещал на мою». Он сказал, что забыл, и тут же приуныл. Тогда я пожалела, что сказала.

*Только-только, весной, прекращено «дело врачей». Но Сара Абрамовна Коц, главврач роддома, успела попасть под раздачу: ее сняли с работы, исключили из партии. Еще целых пять лет до посмертной реабилитации ее мужа Моисея Коца...*

*В общем, это не самая комфортная фамилия в стране, продолжающей с энтузиазмом искать врагов. Не суди себя, мама.*

## 16 октября

В прошлое воскресенье Саша притащил из депо мастера с фотоаппаратом, и он десять кадров извел на Наташку: и голенькой, и в кровати, и на руках. Но снимки не получились, маленькую выдержку дал. Посылаю один, наилучший, да и тот мутный. Лучшее всего вышел халат, правда?

Купаем мы ее с Сашей, он приезжает к 8.30, но иногда не приезжает, и я купаю одна: ничего, справляюсь. Купание дочки на папином плане пока не отражается: сейчас в «Гиганте» идет кино-журнал, где демонстрируется и Санька. В газете его наконец-то похвалили: пресса сжалилась! Посылаю Вам в ознаменование этого события заметку (хотя если он узнает, рассердится, учтите это). Кроме того, Аркадию в Управлении рассказали, что начальник дороги был в Ворошиловском депо, остался очень недоволен и сказал тамошнему заму по ремонту: «Поезжайте на II Хабаровск, поучитесь там у заместителя: молодой, способный, инициативный, и энтузиаст своего дела». Я сказала это Сашке, а он говорит: «Вот черт! А сам уже за два месяца отпуска вкатил два выговора...»

*Ворошилов — прежнее название Уссурийска.*

## 26 октября

Наташа за третий месяц своей жизни поправилась на шестьсот грамм. С каждым днем она становится все смышленнее. Начи-



нает брать игрушки в руки, если их подвесить ей на пузо. Перебирает их пальчиками и разговаривает, разговаривает... Отличает своих от чужих разглагольствует, причем («кокетка чуть лишь из пеленок») благоволит к мужчинам: им она улыбается на третьей минуте, женщинам же может не улыбаться вовсе, как настроение.

Очень охотно смеется Сашке. Когда он дома, она не сводит с него глаз и так и норовит поболтать. Иногда вечером я готовлю ей купание, а Саша держит ее на руках и своим мощным басом поет ей песни. А у нее лицо такое печальное и обескураженное: хочется спать и кушать, но все же не ревет. (Пока я Вам писала, Натка успела: проснуться, покушать, испачкать пеленку, пять раз ее обмочить, поиграть, посидеть на руках, а сейчас она спит). Саша выполнил план двадцать пятого числа и теперь ставит в ремонт сверхплановый паровоз. Который никому не нужен и за который ему влетит, т. к. дорога план выполнила.

*Почти в каждом письме — про выполнение плана. Или невыполнение. Твои маленькие любознательные потомки легко управляются с ноутбуками, но они не поймут, почему их прабабушка так переживала за сверхплановые прадедушкины паровозы. Плановая экономика давно отпразднована вслед за тендерами в утиль истории. И жены теперь не поздравляют мужей с досрочным выполнением пятилетки. Впрочем, это и тогда делали только любимые и любящие жены.*

## 19 декабря

Здравствуйте, родные Вы мои!

Мои все спят: спит Наталка, спит Саша после ночной обкатки. Сегодня воскресенье, у меня на очереди куча дел. Я лишь вымыла пол и вытерла пыль, а еще куча Наткиных пеленок ждет стирки, надо сходить еще в магазин, надо приготовить к понедельнику политинформацию, надо написать Вам письмо. Видите, начала с последнего.

Итак, я вышла на работу. Стало трудно-вато, что и говорить. Утром я встаю в 6.30, надо одеться самой, одеть, умыться и подмазать Натку, накормить ее и себя, вскипятить ей на день молочко, немного прибрать в комнате и приготовить Натку к отправке в соседний подъезд. В 8.30 Надя сама за ней заходит, и вместе с соской, бутылкой и кастрюлькой с молоком тащит ее к себе. В три часа я прихожу с работы и до 3.30 быстро-

быстро разжигаю печь и ставлю вариться обед. Потом иду, забираю Наташу. А уж с ней потом не много наделаешь.

У Нади семья: муж (столяр в домоуправлении), девочка Галина в десятом классе и мальчик Валерка шести лет. Живут они крайне бедно, конечно. О себе Надя не думает, а все у нее идет для Гали (девочка очень красивая, между прочим). Дома у них чистога идеальная, ни пылинки, ни соринки. Натку они все балуют, у всех она на руках трется. А Валерка все целует ей ножки и просит мать купить ее. Зовет ее он почему-то Юриком. Плачу я Наде двести рублей в месяц, она же подстирывает все пеленки и сушит их на улице. Она же взяла у меня стирать все мое белье (по рублю за штуку), тем самым сняв у меня камень с плеч, ибо когда мне?

*Государство отпустило тебе на уход за Наткой тридцать календарных дней до родов и сорок два дня после — согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года. Два с половиной месяца...*

*Сейчас матерям дают на это три года. То есть до моего появления на свет ты как раз подняла бы Наташку. И затем еще три года спокойно цацкалась со мной. Иногда мы зря клянем нынешнюю власть: сейчас дети куда чаще, чем мы с сестрой, видят своих матерей. Только я почему-то уверен, что выпускница 1952 года, красавица-комсомолка, преисполненная энтузиазма и мудреных знаний, не высидела бы дома целую пятилетку. Тем более с нами ты б черз год повесилась.*

## 1954 год

### 5 января

Новый год мы встречали довольно оригинально: у Сары Абрамовны — она, Нинка и Аркадий. Г. С. был в поездке, а Сашка дежурил в депо и оттуда звонил душераздирающим голосом:

1. «Постараюсь вырваться, черт побери, во что бы то ни стало...»

2. «Нет, не могу. Но попробую, попытаюсь, черт возьми!..»

3. «Нет, не вырвусь, наверное, однако попытаюсь...»

4. «Нет, нечего пытаться, не вырвусь...» и т. д. В общем, приехал только утром. В последнее время он задался целью научить Натку говорить «папа», поэтому весь его разговор с ней заключается в словах: «Скажи — папа! Па-па-па...» Натка вниматель-

но смотрит на него, а потом захохочет — и все. А уж когда расшалится, так что ни вытворяет! На плечи лезет, кокетничает, плюется и даже говорит «гу-дя, гу-дя». Пеленок мне она уже месяц не пачкает, а ходит в газетку, а как ходит, спросите у Сашки: он тут всем хвастается, какие она стряпает калачики.

Вчера прихожу с работы: печь вытоплена, керосин куплен и перемыта вся посуда. Еще раз повторяю, что это не парень, а золото. Живем мы с ним душа в душу, и я очень счастлива, потому что вокруг мало так живут.

### 31 января

Вчера у Нагашки ночью вылез один зуб, справа внизу, остренький, светленький. И, видно, лезет и второй, потому что она канителится уже вторую ночь невозможно. И я хожу, шатаюсь как сонная муха, и Саша тоже не спит. Сегодня ночью она сильно кашляла, правда, и насморк у нее. Саша все толкал ей палец в рот, пытаясь нащупать зубик, и до того дотолкался, что она чуть не подавилась. Палец-то у него как чугунный, прощупаешь таким. Тогда я, поднеся ее к лампе, принялась открывать ей ротик ложкой, а он заглядывать. Домучали ее до того, что она разоралась, и уж тогда он его увидел. Сашка говорит ей: «Такие нехорошие! Не буду Вам больше зубы растить, да?»

Сегодня всю ночь играла с игрушками и визжала, задрав ноги. Утром к ней встал Саша, сидит над ней сонный, повесив нос, и говорит: «Ты думаешь: маленькая, так тебе все можно, да?» А она в ответ улыбается ему всеми ямочками.

### 10 февраля

Саша получил премиальных четыреста пятьдесят рублей, и мы решили начать откладывать на книжку. Хотела я отложить шестьсот рублей, да вот Нина едет в Мули на неделю, а там, говорят, есть валенки любых размеров. Так лучше дам ей сто пятьдесят рублей с собой, а четыреста пятьдесят положу на книжку.

*Я поел в карту: что за сказочное королевство Мули, где валенки любых размеров? А Мули больше нет: десятого июня 1955 года его переименовали в Высокогорный. Я там был однажды в командировке: тоскливый поселок-леспромхоз, депо да четыре тысячи населения. У лесорубов снабжение всегда было лучше, потому и валенки.*

*А примыкает поселок к железной дороге Комсомольск — Совгавань, которую во время войны строили заключенные. И в их числе моя не за понюх табаку осужденная теща, а твоя сватья Валентина Васильевна Домрачева. Еще одна ветка наших семейных сталинских сидельцев...*

*Что было у нее, почти девчонки, после ГУЛАГа? Курсы медсестер, Сахалинская областная больница, травматологическое отделение, не счесть спасенных и благодарностей, знак «Ветеран труда», медаль к 100-летию Ленина — такая же, как у тебя. Почти сорок лет, с юности до пенсии, в бессонной «травме»... Вам было бы, о чем поговорить.*

### 1955 год

**Аркадий Писарский** — главный инженер Комсомольского-на-Амуре депо.

**Лида** — его жена.

**Дуся** — сестра мамы.

### 9 марта

Живем мы с Наткой одни. Папа наш, правда, уже три раза звонил с Приморской и прислал одно письмо на трех страницах.

*Где оно? А где хоть одно твое письмо со станции Приморской, куда ты скоро поедешь к новоиспеченному начальнику депо и где вы проживете с апреля по декабрь 1955 года? Целых восемь месяцев выпали из нашего чемодана...*

*Я все-таки добрался до Приморской через тридцать пять лет после вас — аж целым кандидатом в народные депутаты СССР. Рассказал избирателям про настоящий социализм, который они с моей помощью построят. Побродил по вашим деревянным улочкам. И, конечно, мог заглянуть в отцовское депо.*

*Но я очень спешил во Владивосток по какому-то, тогда казался, неотложным делам. И не догадывался, зачем мне сворачивать на заросшие бурьяном запасные пути вашей юности...*

*Оттуда и сегодня укоризненно глядят на меня отцовские паровозы.*

Начал Саша в Приморской как будто хорошо, энергично и по правильному пути. Народ ему нравится, горячий, и не плачется, не ноет.

В первый же день он побывал на комсомольском собрании. Молодежь жаловалась на общежитие. Сашка обошел общежитие,

обнаружил массу недостатков и в воскресенье устроил воскресник по благоустройству. Его зам по ремонту, молодой парень, ремонт знает плохо, но парень с душой, с огоньком, и Сашка счастлив, что он не тихоня, а зна-ния, говорит, придут.

С квартирой дело хуже, но дней через десять, видимо, устроится, т.к. есть приказ нач-ка дороги. Сашка очень скучает и

просит прислать ему фотографии, мою и Наткину. Подъемные он еще не получил, и мы решили пока обойтись без них, а на них приобрести что-нибудь солидное. Где он там питается, кто ему стирает, шут его знает. Скучно мне без Саньки, некого ждать вечерами, некому рассказать о работе. Вообще, плохо. А он так и пишет: «Страшная это все-таки вещь, разлука...»

## ТАНЯ ТЕРЕШЕНКОВА: РАЗЛУКА

### *Из студенческого дневника*

#### **20 февраля 1949 года**

Саша К. вчера опять ужасно напился. Галя У. говорит, что я пожалею потом, что сейчас так обращаюсь с ним. Она говорит, что Сашу и Виктора ни в коем случае нельзя поставить на одну доску, что Саша чист, честен и искренен в десять раз больше Виктора. Это правда, я сама это знаю. И я уверена, очень уверена, что Саша любит меня серьезнее, сильнее Виктора. Но он робеет передо мной, теряется, а ведь так приятно чувствовать силу над собой!

*Неведомая мне Галя У. была права: ты пожалела... Я знаю это от тети Дуси, твоей старшей сестры-сироты, удочеренной бабой Варей и дедой Симой. Незадолго до своего ухода тетя Дуся рассказала мне о вашем довоенном житье-бытье во Владивостоке, на улице Карла Либкнехта. О том, как вы с ней играли в карты на старенькой оттоманке, как секретничали о твоих школьных романах и ее взрослых, как пели «Сильву» под дребезжащее пианино. Дуся работала провизором в аптеке, познакомилась на танцах с бравым моряком Леонидом Горяиновым и умчалась за ним в Ленинград. Она много болела, но пережила тебя на тридцать восемь лет...*

*А в 1971 году она прилетела в Хабаровск из Ленинграда на похороны моего отца. И ты, уже не встававшая, спросила: «Сможешь спать рядом со мной на Сашином месте?» Так короткими летними ночами вы перебрали по капле всю твою жизнь. И однажды ты, мудрая сорокалетняя женщина, заплакала, как непоседливая Тая: «Об одном жалею — что так мучила в юности Саньку...»*

#### **23 апреля**

По вождению тяжеловесов Сашино депо вышло на второе место по дороге. И

Саша решил поднять норму груза: считать полторы тысячи тонн уже нормальным грузом. Из-за этого, конечно, число тяжеловесов резко сократится, но зато будет финансовая экономия по депо, т.к. за тяжеловесы машинистам платят дополнительные деньги. В общем, тут палка о двух концах, наверняка будут недовольные.

*Второе место по Дальневосточной железной дороге — ни до, ни после скромное депо не поднималось до таких высот. Даже во время боев у высоты Заозерной, когда паровозы с Приморской день и ночь гнали эшелоны к кипящему от взрывов озеру Хасан.*

*А у отца свой вечный бой... Сейчас про его трюк с тяжеловесами сказали бы уважительно: выверенное бизнес-решение. А тогда впереди паровозов летели раздраженные рассказы машинистов про двадцатисемилетнего начальника депо, которому больше всех надо.*

#### **10 июня**

*Открытка из отпуска*

Здравствуйтесь, дорогие мамочка и папочка!

Вот уже три дня мы в Москве. В первый день обошли универмаги, но ничего не купили, т.к. везде очереди. Товаров хороших много, но светлых пальто из габардина нет. Видела коверкотовые, купить?

Сегодня были в Третьяковке, впечатление очень хорошее. В первый день на Красной площади видели Неру; он возлагал венки к Мавзолею. Купили Саше костюм, мне шляпу. В Ленинград к Дусе поедем двадцатого июня. Деньги Ваши девятьсот получили. Очень скучаем по Натке. Целуем крепко.

Саша, Тая.

*После торопливой московской от-крытки снова длительный — полгода! — провал в переписке. Где вы отдыхали? Когда вернулись? Как вас встретила Наташка? Безвозвратно затерялись письма... И доподлинно я знаю только то, что через полтора месяца, ориентировочно первого августа 1955 года, на станции Приморской Дальневосточной железной дороги будет зачат в любви составитель данной книги.*

*Как складывался тот знаменательный августовский день (и особенно вечер), ты для истории не зафиксировала. Подозреваю, что вам с отцом было не до писем!*

## **27 декабря**

Здравствуйте, родные наши!

Пишу Вам карандашом (чернил не приобрели еще). С Приморской мы ехали в мягком вагоне, думали, теплее. Но прогадали и всю дорогу сидели дрожа: т не поднималась выше +10. Натка, правда, как обычно пребывала в бесперывной суете и потому была все время тепленькая.

Ночью мы тоже всеми силами грели ее: Саша своей шинелью, я пальто, и потому она не заболела. Я же загрипповала слегка. В Хабаровск мы прибыли в воскресенье, и Саша не пожелал находиться там больше одного дня. В этот же вечер мы выехали в Комсомольск.

*Отец назначен начальником Комсомольского-на-Амуре локомотивного депо, второго по величине на Дальневосточной железной дороге.*

Вещи наши, между прочим, исправно катились за нами в товарном вагоне вплоть до Хабаровска. А из Хабаровска прицепили к пассажирскому на Комсомольск. Ехали вновь в мягком вагоне, но зато уже в жаре.

Встретили нас с машиной товарищи из депо и отвезли к Сашкиному приятелю на квартиру, где мы и пребывали до часу дня, пока не перевезли вещи. Этот приятель, Писарский, с женой Лидой во многом помогли мне: хоть какие-то знакомые на первый случай. А я их знала еще по Хабаровску, так что мы сразу вошли в контакт. У них двое детей, четырех и двух с половиной лет, Натка, с аппетитом поев, принялась играть с ними.

В час дня Саша забежал за мной, и мы отправились к себе домой, оставив Натку

пока у Писарских. Квартира в новом доме, на первом этаже, окнами на юг. Дом восьмиквартирный с канализацией и водопроводом, но с печным отоплением. И печей, вместе с плитой, целых три штуки. Так что сейчас я с ними ежедневно воюю, а Саша выполняет свою долю: приносит из сарая каждый вечер уголь по четыре ведра и колет дровышки.

Уголь нам подвезли еще до нашего приезда вместе с приложением: совок и два ведра...

Из прихожей в столовую ведет стеклянная дверь, а в ванной никакой ванны нет, есть только раковина для мытья рук; ванна только в проектах.

Саша решил, что целесообразно в этот же вечер купить буфет и кухонный стол (наш кухонный столик в дороге развалился). Здесь же сел на машину, поехал и купил столик и буфет за девятьсот семнадцать рублей, не так, чтобы очень хороший, и не так, чтобы нехороший. Кровать Саша купил еще раньше, за триста девяносто рублей с панцирной сеткой, но плохо, что покрашена в синий цвет; перекладина никелированная. Между прочим, картошку мы довели...

*Листок разорван пополам. И окончания письма не сохранилось. Удалось ли вам в целости довести драгоценную картошку до Комсомольска-на-Амуре? Этого твоим потомкам знать не дано. Да и про Комсомольск они в своих школах вряд ли услышат.*

*Город юности — так учили нас с тобой в школе. Город нищих строителей атомных подлодок — таким я увидел его в лихие перестроечные годы.*

*Столица восточного БАМа, который строила вся страна.*

*Столица Амурлага, в котором страна сидела.*

*Потомки не поймут, чего мы так воспевали этот неуютный, выстуженный, чудовищный город. А я его и сегодня люблю.*

## **30 декабря**

Сегодня пурга метет, Вы себе, конечно, не представляете. Я уложила днем Натку спать и бегала за хлебом: в десяти метрах ничего не видно, снесет тебя с дороги и воткнет в сугроб — стой, жди пока порыв пройдет. Идти можно только перебежками. Север, ничего не скажешь! Сугробы высокие, но крепкие от мороза, по ним свободно ходят.

С наступающим Новым годом!

**1956 год**

**Ожидаемый сын** — это я.

**Тася** — моя няня.

### **5 января**

Сколько трагедии было с елкой! Уже за две недели до Нового года Натка повела о ней разговор, собиралась и готовилась вешать игрушки, рассказывала стишки о елке и т. д. Саша подготовил лампочки. Но, когда коснулось купить елку, оказалось, что это не так просто: три дня перед этим мела пурга, и не только машины не ходили в лес, но и автобусы стояли. И вот тридцатого декабря по городу заметались толпы жаждущих, но самих елок не было нигде. Саша застрял в депо, и ему, конечно, было не до елок: пурга замела все подходы к депо. Но по телефону он мне отчаянным голосом заявил, что пусть елка обойдется в сто рублей, но купить ее надо. Ну как же оставить ребенка без елки?!

Я отнесла Натку к Писарским, наняла такси и помчалась в город. Ездил три часа и проездила (с остановками) тридцать девять рублей, а елку так и не нашла. Тогда разыскала Сашку и категорически предложила добыть елку или не являться домой.

Вечером он-таки принес задрипанную елочку, и Натка собственноручно вешала игрушки. Правда, игрушек оказалось больше, чем иголок на елке. Но не беда!

Я им устроила первого числа утренник. С утра Писарские притащили своих детей и оставили их на целый день. Я предварительно купила им хорошие игрушки и кульки с подарками и спрятала все это под елкой.

И надо было видеть, сколько радости доставили им подарки «деда Мороза». Поверили все в него совершенно искренне. Дети Писарских до сих пор вспоминают «Наташину елку».

### **14 января**

Продолжаю воевать с печами. Слава богу, воды сколько угодно. Стираю вечерами ежедневно, чтобы отмывались руки. Сашу винить не приходится, т. к. помогает он, чем может. А на работе ему порядком достается: такой суровой зимы не было здесь с 1949 года.

Судите сами, попал начальствовать в большое депо, да в такие зимние условия работы. Конечно, трудно. И хотя кое-что у него налаживается, в общем, работа идет не так, как хотелось бы. Дважды уже был здесь начальник дороги Сугак, проводил в депо

оперативное совещание. Но, в сущности, ничем не помог, т. к. тепла он не прибавил.

Питаемся мы хорошо: сахару Саша не дает закончиться и в последнюю минуту добавляет иссякающий запас. Живем с маслом, с мясом. Конфет, спасибо, Вы подбросили. Вот с луком плохо. И с хлебом эти дни перебои: только черный, и очереди.

### **26 января**

Сашу вызвали в Хабаровск по несчастному случаю: помощнику машиниста отрезало ноги собственным паровозом. И такой дикий случай: два дня как парень женился. Виноват, конечно, машинист да и сам помощник: прыгал на ходу на паровоз.

Стоят по-прежнему морозы, да уж мы к ним привыкаем. Дома  $t$  колеблется от +14 до +19. Но у нас с Сашей разногласия: на термометре часть ртути оторвалась, и он считает по оторванной, а я по основной, и у него всегда на пять градусов выше. Папа, если есть в продаже комнатные термометры, то пришли, пожалуйста, в бандероли.

И передаю тебе Сашину просьбу: ради всего святого, пришли лезвия! Здесь в продаже нет, и как бритве, так мучение и кровь.

### **11 февраля**

В пятницу я с Наташей не ходила на работу: был бешеный буран.

Еще утром я везла ее в ясли, была погода как погода. Везла из яслей — уже ветер с небольшой поземкой, а с полдороги начался буран: за три метра ничего не видно; снег сечет беспрерывно, смотреть нельзя. А уже подъезжая к дому, мы с ней окончательно завязли. Санки перевернулись. Я поставила сумку, чтобы поднять Натку, сумку перевернул ветер. Ну, тут мимо проезжали сани с лошадьё. Мужик остановил лошадь, подхватил Натку на руки, я подхватила санки, и мы с ним побежали к подъезду. И вовремя мы убралась: как закрутило, как замело!

Такой пурги я еще здесь не видела. Целые сутки не видно было дома напротив: его застилал беспрерывный буран. На другой день мы, конечно, остались дома. Из двадцати пяти детишек в яслях было всего четверо. А из всех работников консультации пришла одна санитарка.

Саша двое суток не приходил из депо и почти не заходил в помещение: все работали на путях, включая бухгалтерию. За полтора суток у них было одиннадцать случаев схода паровозов с рельсов. А это считается брак особого учета, и в прошлый год был лишь

один случай за всю зиму. Движение в городе встало, вместо хлеба подвозили на лошадях какие-то сухари столетней давности. Я утром пошла в сарай за углем, смотрю, сарай занесен до крыши. Пришлось занимать у соседней. А Саша, вернувшись в час ночи домой, отрывал этот сарай.

Угля мы подвозили уже два раза, и опять кончился. А тут катастрофа с этой метелью: не проехать ни к нам, ни к складу топлива. Тогда Саша достал у ОРСа подводу, нагрузили в сани полтонны и ссыпали прямо в коридор (к сараю не доедешь). Саша же, пришедши вечером, перетаскал его весь в кладовочку, избавив себя на полмесяца от ночных работ по доставке угля из сарая...

В декретный иду с десятого марта.

### 16 февраля

Получили от вас посылку. Наташу больше всего обрадовали книжки и шапка, а Сашу лезвия: брился с упоением и все подхваливал. Вчера он ездил на обкатку, возвратился среди ночи, начал переклады-

вать Наташу, разбудил ее, пришлось мне вмешаться. Затем решил попить чайку и уснул прямо за столом...

### 28 февраля

Между прочим, разыскала я Сашин студенческий дневник и, конечно, прочла его... Говорят, нигде лучше не видна душа человека. Ну и прекрасно: она у него чистая и ясная, как на ладони. Рассказала ему, что прочла. Он засмеялся и перечел сам.

*Я после смерти отца, уже в десятом классе, тоже прочитал этот дневник. Даже не подумав, балбес, его сохранить. Осталось от дневника ощущение очень сдержанных, спрятанных вглубь эмоций. Помню точно: там не было ни слова о любви к тебе.*

*И ни строчки про соперничество с напыщенным морским лейтенантом. Сталкивался ли отец с Виктором А. на узкой дорожке? Или только с фотографией на твоей общежитской тумбочке?*

## ТАНЯ ТЕРЕШЕНКОВА: ФОТОГРАФИЯ

*Из студенческого дневника*

### 24 февраля 1949 года

Поставила фотографию Виктора на тумбочку, но скоро, вероятно, спрячу в чемодан. Что-то очень невесело на душе. То довольное настроение, что было после его отъезда, уже прошло без следа. Прошла вера в его слова, осталось лишь воспоминание, как о чем-то ненужном и лишнем. Что такое? У всех что-то не ладится, все так несчастны. Или возраст такой, или вообще нет полного счастья на земле?

### 4 марта 1956 года

Вечером Саша звонил в Хабаровск. И Сара Абрамовна надела на меня так, что в пот вогнала: полчаса уговаривала ехать рожать в Хабаровск. Я и так, и сяк. А она ни в какую. А с другой стороны Саша, куря папиросу за папиросой и нервно расхаживая по комнате, тоже добавлял аргументы. Говорю, в пот вогнала. Вообще-то, конечно, приятно, что все тягают к себе: хуже, если бы наоборот.

Между прочим, Саша отправил заявление на заочное отделение в Хабаровский жел-дор. институт. Будет учиться на инженера-теплотехника, чтобы через пять — десять лет «не остаться за бортом». Дело в том, что сейчас весь транспорт переводится на теп-

ло- и электротехнику. Новых паровозов уже не делают, а те, которые требуют большого ремонта, режут на металлолом. Вообще-то, молодец, конечно. Упорства и ума у него хватит, а где он будет время брать, не знаю.

*Крохотная дочка на руках, жена вынашивает сына, на работе авралы, дома — неоплаченные печи, какая учеба? Какая к чертям новая зра «через пять — десять лет»?! Но в 1963 году первые тепловозы послушно побежали по Дальневосточной дороге; отец все точно рассчитал...*

*Больше всего он боялся отстать от поезда.*

### 26 марта

С. А. и Г. С. люди очень хорошие и относятся ко мне и Натке превосходно, жаловаться было бы грех. Даже с бабкой, которая живет у них, и с той при ее ворчливом характере, соединенном с нешуточной набожностью (сочетание довольно, надо сказать, неприятное), мы уживаемся мирно и без пререканий.

*Ты, значит, уже в Хабаровске. Уговори-ла-таки свекровь!*

Погода здесь такая: то снег, то +3, а потому грязь непролазная. Я шью, постирываю свои шмутки и большую часть времени провожу полулежа, сунув подушку за спину: иначе нельзя. Чтобы успокоить Вас, скажу, что С. А. смотрела меня два раза и находит, что все в порядке. Но ужасно боюсь двойняшек.

Сейчас звонил Саша по телефону, плачет, что рано нас сюда отвез. Говорит, и домой идти неохота, и к работе апатия. А ведь только вчера виделись. Говорит, что когда он жил на Приморской, а я в Хабаровске, то он не так скучал (а тогда тоже писал бешеные письма). Я говорю, что ж, на старости еще трудней будет расставаться...

## 29 марта

Саша звонит из Комсомольска ежедневно. На работе у него пока все благополучно, дома он топит только одну печь в спальне. Но говорит, что т не снижается ниже +12... +13. Между прочим, приходила там к нему бабка с предложением устроиться в няни. Но он пригласил ее только через два месяца, и она не согласилась.

Обещала мне нач. больницы перед отъездом подыскать через военного коменданта няню из репатриированных (бывшие раскулаченные и пр.). Она сама и многие

врачи пользуются их услугами, и говорит, что очень честные женщины.

*Всего лишь месяц назад закончился XX съезд КПСС, разоблачивший культ личности Сталина. Еще не началась массовая реабилитация вчерашних врагов народа. А люди, не дожидаясь съездов и резолюций, протягивают руку кулакам, военнопленным и социальнo чуждым интеллигентам. И доверяют им своих детей...*

*Эта тихая народная амнистия не вошла, как хрущевская, в историю страны. А в нашей семейной истории останутся теплые руки раскулаченных нянечек Комсомольска.*

## 2 апреля

Сейчас вечер. С. А. ушла на парт. собрание по поводу «культы личности».

*Бабу Сару, выходит, уже восстановили в КПСС. Теперь партия сквозь зубы объяснит ей, почему отняла у нее мужа, у сына — отца, у меня, еще не рожденного, — деда. И, разумеется, партия скажет, как всегда, только крохотную толику правды. Но через полвека в обшарпанном кабинетике на Лубянке я открою папку с уголовным делом № 19456.*

*(Продолжение в следующем номере.)*

